

11003007
МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНИЙ ПЕДАГОГІЧНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
імені М.П. ДРАГОМАНОВА

СИСТЕМА І СТРУКТУРА

СХІДНОСЛОВ'ЯНСЬКИХ МОВ:

ПАМ'ЯТІ АКАДЕМІКА Л.А. БУЛАХОВСЬКОГО

Збірник наукових праць

НАЦІОНАЛЬНА
ПАРЛАМЕНТСЬКА
БІБЛІОТЕКА
УКРАЇНИ

КИЇВ
ЗНАННЯ УКРАЇНИ
2006

Обов'язковий примірник

29086882
115
115
115

Редакційна колегія:

В.І. Гончаров, канд. філол. наук, професор (відповідальний редактор);
А.М. Григораш, канд. філол. наук, доцент (відповідальний секретар);
М.Я. Брицин, докт. філол. наук, професор;
Л.П. Іванова, докт. філол. наук, професор;
Ф.О. Нікітіна, докт. філол. наук, професор;
Н.І. Озерова, докт. філол. наук, професор;
М.Я. Плющ, докт. філол. наук, професор;
О.О. Тараненко, докт. філол. наук, професор;
Л.С. Віннічук, канд. педагог. наук, доцент;
О.І. Дашенко, канд. філол. наук, доцент;
М.П. Дворжецька, канд. філол. наук, професор;
Т.І. Плужнікова, канд. філол. наук, доцент;
Т.В. Слободянюк, канд. філол. наук, доцент;
М.М. Тягунова, канд. філол. наук, доцент;
Н.В. Хруцька, канд. філол. наук, доцент.

Рецензенти:

Н.Л. Іваницька, докт. філол. наук, професор;
Є.А. Карпіловська, докт. філол. наук;
Т.Ю. Ковалевська, докт. філол. наук;
Л.М. Полюга, докт. філол. наук, професор;
О.А. Сербенська, докт. філол. наук, професор.

С40 Система і структура східнослов'янських мов: Пам'яті академіка Л.А. Булаховського: Зб. наук. праць (Редкол.: В.І. Гончаров (відп. ред.) та ін. — К.: Знання України, 2006. — 316 с. Бібліогр. в кінці ст. — Укр., рос.
ISBN 966-7201-26-0

У збірнику вміщено наукові праці докторантів, аспірантів, професорсько-викладацького складу мовознавчих кафедр Національного педагогічного університету ім. М.П. Драгоманова та інших вузів України з актуальних проблем східнослов'янського мовознавства. Тематика статей охоплює питання граматичної будови і лексичного складу східнослов'янських мов, етимології і словотвору, історії і взаємодії мов, культурології і стилістики. Об'єктом лінгвістичного аналізу виступають структурні одиниці різних рівнів мовної системи. У полі зору мовознавців питання фонетики, морфології, синтаксису, лексикології, термінології та лексикографії.

Для викладачів, аспірантів, студентів філологічних факультетів, учителів української та російської мов середніх шкіл та гімназій.

ББК 81.2я43

ISBN 966-7201-26-0

© Національний педагогічний університет
імені М.П. Драгоманова, 2006
© Автори статей, 2006

о том, что фокусный и нефокусный агенты скорее задействованы в одном процессе (см. в таблице). Такие же соображения относятся к нефокусному объекту (sob) и состоянию (cao), поэтому, наверно, проще было бы ввести специальный атрибут @фокусность, а не плодить отношения.

ЛИТЕРАТУРА¹

1. Аношкина Ж.Г. Морфологический процессор русского языка // Альманах «Говор», Сыктывкар, 1995. — С. 17-23.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды, Том 1. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
3. Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры. Логический анализ языка: язык и время. — М., 1979.
4. Баскакова И.В. Классификация текстов по заданному набору тематик. Дни науки НГТУ-2003. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2003.
5. Борисова Е.Г. Коллокации. Что это такое и как их изучать. — М.: Филология, 1995.
6. Гладкий А.В. Синтаксические структуры естественного языка в автоматизированных системах общения. — М., 1985.
7. Марчук Ю.Н. Вычислительная лексикография. — М.: ВЦП, 1976. — 183 с.
8. Марчук Ю.Н. Синтактико-семантический анализ в системе машинного перевода АМΠΑР. — Т. Марчук Ю.Н. О моделировании перевода.— Вопросы информационной теории и практики. — Т. 5 — М.: ВИНТИ, 1980.
9. № 43 — М.: ВИНТИ, 1980.
10. Ножов И.М. Прикладной морфологический анализ без словаря. КИИ-2000. Труды конференции. — Т. 1. — М.: Физматлит, 2000.
11. Запизняк А.А. Грамматический словарь русского языка. — М.: 1980.
12. Семенова С.Ю. Алгоритмический и лексикографический аспекты Сокирко А.В. Программная реализация русского общесемантического словаря. Дипломная работа, ФТИПЛ, РГТУ, 1997.
13. Uchida Hiroshi, Zhu Meiyang, Tarcisio Della Senta. A Gift for a Millennium. <http://www.unl.ias.unu.edu/> 1996.

О.С. Волынчик

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ РЕЧИ

Исследования мужской и женской речи входят в круг проблем лингвистической гендерологии с момента ее зарождения в недрах феминистской критики языка в 70-х годах 20 столетия на западе. Данные исследования, эволюционировав в от программ выявления и преодоления андроцентризма языка до идентификации авторства текста в криминалистике и исследования реализации гендерных стереотипов в литературоведении, продолжают оставаться актуальными во всех сферах лингвогендерологии, о чем свидетельствует целый пласт работ последних лет, посвященных данной проблеме. [6; 8; 11; 17; 22 и мн. др.]

В разное время для обозначения гендерных различий в речи использовались термины женский язык, гендерлект, мужская и женская речь/язык/вербальное поведение.

Женский язык — условное название явления дифференциации единиц языка в зависимости от пола говорящего, избирательное употребление тех или иных единиц языка женщинами. [13, с.153]

Гендерлект — постоянный набор признаков мужской и женской речи. Возникновение этого понятия обусловлено формированием гипотезы гендерных субкультур.[19]

¹ В статье изложены результаты исследований, которые проводились в Тегеранском университете.

«Мужская» и «женская» речь/язык/вербальное поведение — это условное название лексических предпочтений и некоторых других особенностей употребления языка в зависимости от пола говорящего.[19]

В рамках исследования гендерной идентификации речи выделяются различные подходы: как социодетерминистские (статистический, когнитивный), так и биодетерминистские (теория функциональной асимметрии мозга, репродуктивная функция). В свою очередь, выводы исследований в рамках этих подходов приписывают различиям в речевом поведении врожденный или социально обусловленный характер.

В область научных интересов исследователей попадают такие параметры мужской и женской речи как речевые тактики и стратегии, перебивы, утверждение достоверности/недостоверности сообщения, интонация, различия на системных уровнях языка (в т.ч. количественные показатели употребления разных частей речи), состав словаря, стилистические особенности (употребление эвфемизмов, синонимов, степень эмоциональности, оценочности, описательности, выражения отношения, использование тропов).

Предпринимаемые в течение нескольких десятилетий попытки исследователей внести ясность в теорию гендерной дифференциации речи, по-видимому, все же не позволяют говорить о создании некоего устойчивого перечня признаков мужской и женской речи, несмотря на разработку соответствующих компьютерных программ [17], позволяющих идентифицировать тексты по гендерному признаку и перечней признаков мужского и женского текста. Исследователи данной проблематики выделяют ряд факторов, объективно не позволяющих говорить о существовании устойчивого перечня различий в мужской и женской речи.

Во-первых, различия носят не инвентарный (существуют языковые средства, используемые только мужчинами, или же есть языковые структуры, которые употребляют только женщины), а вероятностный характер (т.е. проявляются в некоторых частотных закономерностях их использования). [8, с.120]

Во-вторых, свои изменения вносят социальные факторы, степень влияния которых на гендерные различия исследователи оценивают по-разному. Так, в теории Е.И. Горошко социальные факторы (социальные стереотипы и нормы поведения, образование, социальное окружение и проч.) оказывают влияние, но уже опосредованное. Они могут влиять на интенсивность и степень проявления различий, но, по всей видимости, не могут порождать их самостоятельно. [8, с.120] В теории О.Н. Шаповаловой утверждается прямо противоположное мнение о том, что различия в речи мужчин и женщин не являются врожденными. По оценке исследовательницы, различия в вербальном поведении общающихся не являются прямым следствием их половой принадлежности, а, как правило, обусловлены взаимодействием таких факторов, как социальный статус, уровень образования, возраст и т.п. [6; 22, с.333]

В то же время А.В. Кирилина, постулируя, что наличие т.н. гендерлекта, обсуждавшееся в ряде трудов Тафель К. Трёмель-Плётц С., не подтвердилось и на материале русского языка, считает, что, тем не менее, правомерно говорить об определенных особенностях речевого стиля мужчин и женщин, т.к. в виде тенденций они проявляются на двух уровнях, названных ею, соответственно, симптомами первого и второго порядка:

симптомы первого порядка — это признаки, обнаруживаемые более четко, могут быть замечены непосредственно в период речевого общения: перебивания, длительность речевого периода, категоричность высказывания

и связанные с ней предпочтения в выборе типа речевого акта, управление тематикой диалога, компетенция в определенных бытовых областях и т. д.

симптомы второго порядка — это особенности речи, для выявления которых требуется специальная статистическая процедура: частотность употребления определенных частей речи, частиц, синтаксических конструкций и т. п.

Симптомы первого порядка, таким образом, в большей степени отражают социальные роли мужчин и женщин, а симптомы второго порядка — их генетические характеристики. В то же время, по замечанию А.В. Киригиной, четкое разграничение симптомов первого и второго порядка на сегодняшний день не представляется возможным. [12]

Влияние социальных факторов, контекста коммуникации подтверждают и исследования других, в том числе и западных ученых (М. Смит, Дж. Маер) [11; 7]. К тому же, активно развивается теория о множественности гендера [12], идет становление тринарной теории гендера (фемининный — маскулинный — андрогинный [21]).

Проблема адекватности результатов исследования мужской и женской речи стоит перед исследователями данной проблематики практических с самого начала существования гендерной лингвистики. Современные исследователи утверждают, что практически все феминистские исследования гендерного языкового поведения (Fishman 1978; Lakoff 1975; Zimmerman, West 1975) на начальном этапе «скатывались» на описание стереотипных гендерных ролей, а не реального языкового взаимодействия, связывая «женский стиль» с большей по сравнению с «мужским стилем» эмоциональностью, неуверенностью, нормативностью и тривиальностью. [15]

И российские исследователи (Горошко Е.И., Шаповалова О.Н.) на материале русского и иностранных языков, и ряд зарубежных авторов (Е. Маккоби, К. Джеклин), обобщая, без преувеличения, огромное количество исследований на материале влиятельных европейских языков (английского, немецкого), приходят к аналогичным выводам. Все они обращают внимание на большую неясность и высокую степень противоречивости полученных результатов.

К тому же гендерная лингвистика оказывается не свободной от власти стереотипов обыденного сознания. Существует ряд стереотипных представлений о мужской и женской речи, которые воспроизводятся в том числе и в лингвистических исследованиях. «Возможно, и сами лингвисты пребывая в плену традиционных подходов, невольно навязывают носителям языка устаревшие (или уже устаревшие?) гендерные стереотипы и таким образом усиливают влияние социальных мифов». [18, с.65] Приведем ряд цитат: «во многих культурах сложились **устойчивые представления** о вежливости, деликатности, мягкости женщин»; «**общепризнано**, что женская речь эмоциональнее мужской, что проявляется на языковом уровне, в частности, в более активном употреблении женщинами тропов (прежде всего метафор и сравнений)» [22, с.336]; «**широко распространена** также точка зрения, что женщины употребляют больше уменьшительных суффиксов и вежливых форм, чаще называют партнера по коммуникации по имени и в целом используют больше контактоустанавливающих речевых действий. [19, с.256]; «**принято считать**, что женская речь более эмоциональна, чем мужская; **типичной стилистической характеристикой** женской речи является тенденция к гипербололизованной экспрессии» [11, с. 123].

Сами лингвисты отмечают парадоксальность некоторых выводов. Так, Сьюзан Ромейн считает парадоксальным то, что речь женщин, являющееся более соответствующей стандарту и престижной норме, чем мужская, счи-

тается второстепенным, в то время как речь мужчин ценится гораздо больше лишь потому, что у них больше власти. [7, с.456-475]; Е.И. Горошко отмечает, что по результатам эксперимента «именно мужчины (хотя ожидалось прямо противоположное) изображают мир и действительность в большем разнообразии качественных характеристик, красок и признаков, чем это делают женщины» [8, с.119-120].

Исследования и отечественных (Горошко Е.И.), и западных (Траджилл П.) исследователей подтверждают относительность гендерных признаков в речи: наименьшие различия обнаружились у лиц с высшим образованием, занятых интеллектуальной деятельностью; чем выше уровень образования, тем больше стираются границы различий в вербальном поведении мужчин и женщин. У представителей средних слоев наблюдается самая высокая степень различий в речи мужчины, а также самая высокая ориентация женщины на «корректные», престижные формы языковых структур. В возрасте 30-35 лет, как было замечено, различия между полами проявляются наиболее контрастно. [9]

Таким образом, актуальными проблемами исследования гендерных различий в речевом поведении, постулируемыми самими исследователями, являются следующие:

- во-первых, данные, получаемые исследователями часто противоречат друг другу;
- во-вторых, полученные характеристики не носят признаков бинарных оппозиций в соответствии с концептуальной оппозицией «мужчина — женщина»;
- в-третьих, полученные данные носят характер относительности и ситуативности.

В то же время подобная ситуация противоречит существующему в обыденном сознании представлению о наличии четких оппозитивных характеристик, приписываемых мужской и женской речи, о чем также свидетельствуют сами лингвисты. Такое положение вещей подтверждается также и ситуацией в исследовании гендерной идентичности в речи персонажей литературных произведений. Художественное произведение, в той или иной форме воссоздающее конфигурацию реальности, представляет собой «проекцию текста в качестве мира» (по П. Рикеру). Следовательно, речь персонажей разного пола, гендерных языковых личностей, должна соответствовать специфичным для данного социума моделям гендерных дискурсов [1, с.16]. Коммуникативное поведение персонажей манифестирует их гендер и отображает представления драматурга о стереотипах коммуникативного взаимодействия представителей противоположных полов. [3] Это позволяет нам говорить о наличии в языковом сознании носителей языка, и лингвистов в том числе, гендерных стереотипов о речевом поведении мужчин и женщин. Именно в этих стереотипах мы имеем дело с четкостью, зеркальной противопоставленностью, определенностью признаков. Для женщин: эмоциональность, вежливость, образность. Для мужчин: отсутствие эмоций, грубость, прямолинейность. Т. е. представляется возможным, на наш взгляд, говорить о существовании социальных мифов о женской и мужской речи не коррелирующих с реальными статистическими показателями.

Современные исследователи вопроса в результате обсуждения сложившихся противоречий пришли к выводу о необходимости альтернативного подхода к изучению мужской и женской речи, к отказу от холистичности исследований и обобщающих выводов. Высказываются мнения о необходимости «альтернативного подхода к изучению гендерной дифференциации языка, а именно: исследование конкретных речевых стратегий в конкретных ситуа-

циях, что фактически приведет к изучению языка скорее как конкретного дискурса». [16, с.170]

Таким образом, все выше сказанное позволяет говорить о том, что наряду с существованием ситуативно обусловленных или врожденных гендерных различий в речевом поведении мужчин и женщин существуют и стереотипные представления о том, какой должна быть речь «идеального мужчины» и «идеальной женщины».

Вышеприведенные данные позволяют, таким образом, говорить о двух ипостасях гендерной идентичности в речи:

- в виде дискурсивных речевых практик мужчин и женщин,
- в виде стереотипов о речевом поведении мужчин и женщин.

Это позволяет рассмотреть данные стереотипы как один из сегментов социального мифа и «встроить» гендерные стереотипы мужской и женской речи в процесс конструирования реальности посредством психографии [20, с.11; 5], создания гиперсигнификативного пространства [10], создания симулякров третьего порядка [2, с.175]. Трансляцию стереотипов в современном обществе осуществляют средства массовой коммуникации. Для нас интерес представляют так называемые женские и мужские журналы, поскольку они являются эксплицитно гендерно маркированными средствами массовой коммуникации. Т. е. можно предположить, что именно в данных средствах массовой коммуникации наиболее ярко должна быть представлена оппозиция «мужчина — женщина» на всех языковых уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антинескул О.Л. Гендер как параметр текстообразования. — Пермь, Пермский гос. ун-т, 2001.
2. Бодрияр Ж. Симулякри і симуляція. — К.: Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2004. — 230 с.
3. Борисенко Н.Д. Гендерний аспект уживання засобів модифікації прагматичного значення // Вісник КНЛУ. Сер. Філологія. Т.6. №1, 2003. — С. 110-114.
4. Вейлерт А.А. О зависимости количественных показателей единиц языка от пола говорящего лица // Вопросы языкознания, 1976, №5. — С.138-143.
5. Волинчик О. Деякі лінгвістичні механізми міфологізації свідомості в сучасних засобах масової комунікації (на матеріалі гендерно орієнтованих журналів) // Мова та історія. Вип. 74. — К., 2005. — С. 16-19.
6. Вул С.М., Мартынюк А.П. Теоретические предпосылки диагностирования половой принадлежности автора документа // Современное состояние и перспективы развития традиционных видов криминалистической экспертизы / Сб.науч.тр. — М., 1987. — С.105-112.
7. Гендер і мова // Основи теорії гендеру. — К.: Основи, 2005. — С. 456-475.
8. Горошко Е.И. Особенности мужского и женского вербального поведения (психолінгвістический анализ). Дисс. ...канд.філол.наук. — М., 1996.
9. Горошко Е. Пол, гендер, язык // Женщина. Гендер. Культура. — М.: МЦГИ, 1999. — С. 98-110.
10. Землянова Л.М. Реклама в период гиперсигнификации // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 1995. № 3. — С. 56-62.
11. Земская Е.А., Китайгородская М.М., Розанова Н.Н. Некоторые лексические особенности мужской/женской речи и тенденции словоупотребления // Русский язык в его функционировании / Под ред. Е.А. Земской, Д.Н. Шмелева. — М., 1993.
12. Кирилина А.В. Особенности и тенденции развития гендерных исследований в российской лингвистике // Гендер: язык, культура, коммуникация. — С. 32-47.
13. Крючкова Т.Б. Женский язык // ЛЭС. — М., 1990. — С. 153.
14. Луковицкая Е.Г. Введение в гендерные исследования. — Великий Новгород, НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2002.
15. Мартынюк А.П. Гендерні стереотипи та їх відображення у мові й мовленнєвій взаємодії // Вісник Київського лінгвістичного університету. Сер. Філологія. — 2003. Т.6, №1. — С. 103-109.
16. Мой Т. Сексуальна/текстуальна політика. — К., 2004.

17. Ощепкова Е.С. Количественный анализ текста при его гендерной атрибуции // Гендер: язык, культура, коммуникация. — М.: МГЛУ, Лаборатория гендерных исследований, 2002. — С. 248-251.
18. Семиколенова Е. Феминистская критика языка как форма языковой политики // Гендерные исследования в лингвистике. — С. 65.
19. Словарь гендерных терминов. М: Информация — XXI век, 2002. — 256 с.
20. Слухай Н.В. Міфологічні джерела прагматикону текстів масмедіа. — Сімферополь, 2004.
21. Фомин А.Г. Психолингвистическая концепция моделирования гендерной языковой личности. — М.: Кемерово, Кузбассвуиздат, 2003. — 234 с.
22. Шаповалова О.Н. Гендерный аспект управления коммуникативным поведением собеседника // Гендер: язык, культура, коммуникация. — М., 2001. — С. 333-341.

Е.И. Гусева

ЯЗЫКОВОЙ МЕЛАНЖ, ИЛИ РУССКАЯ РЕЧЬ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЛИНГВИЗМА

Билингвизм как языковая характеристика социума в значительной степени определяется условиями места и времени. На рубеже веков становление русско-украинского билингвизма проходит под знаком глобализации: на русско-украинский билингвизм наслаивается билингвизм русско-английский. Лингвисты соревнуются в определениях и оценках процесса заимствования: говорят о вторжении, интервенции и, наконец, инвазии англицизмов [6, с. 30]. Однако стремительность, с которой заимствование входит в нашу речь, заставляет перейти от вопроса его вхождения в язык к вопросу о функционировании английского слова в русском языке.

Способствуют распространению англицизмов отнюдь не профессиональные переводчики (в переводных текстах кальки встречаются реже), а представители иных творческих профессий: тиражирование «иноязыка» идет через медиатексты, рекламу, беллетристику. Причем одна и та же лексика употребляется в публицистических и научных текстах (Ср.: *кооперативный интервьюер, кооперативный читатель, эксклюзивное интервью и инклюзивное прочтение*). Авторы-билингвы не только заимствуют, но и творят гибридные слова (*дискурс: дискурсивный, дискурсный, дискурсивизация, дискурс-анализ*). Заимствование англицизмов дополняется практикой калькирования речевых клише (ср.: *стоять перед вызовом нового тысячелетия, отвечать на вызовы современности*).

Языковой меланж («смешение, соединение слов из нескольких языков в одном высказывании» [4, с. 340]) становится началом, объединяющим язык публицистики, рекламы, бытового общения и специальные языки науки. Такие гибридные формулы, как *онлайновый режим, отправить мессидж, рефлексы полемики*, можно встретить в любом речевом регистре.

Интенсивность заимствования нейтральной, общеупотребительной лексики сопровождается ускорением процессов детерминологизации заимствованной терминологии (терминов экономики, информатики и т. п.). При этом полифункциональность специальной лексики (способность выступать и как термин, и как слово общего языка) проявляется уже в самом научном дискурсе. В контекстах, не связанных напрямую с репрезентацией научного понятия, заимствование-англицизм используется как слово неспециального назначения:

Новое знание возникает в данном случае благодаря профилированию некоторых свойств источника, не представленных или скрытых в области цели [1, с. 76].

Показателем деспециализации термина становится варьирование, или возможность варьирования, заимствования с общеупотребительным словом: